святых особ, дьявол толкуется, а дьявол со всем своим угодием и орудием противен богу; дела ж световые, которые от света, а не от бога, угодны диаволу, ибо диавол и свет, по диавольскому угождению, противен богу; итак, все злые дела света к диаволу, яко начальнику и корени тех, восписывать должно».[38]

Так автор со своих позиций дает решение важного философского вопроса: в чем причина злонравия. И то, что он видит эту причину в приверженности людей дьяволу, во всесилии дьявола, позволяет заключить, что критикует он неблагополучие света с подчеркнуто клерикальных, а не научных, просветительских позиций.

А каковы были взгляды Кантемира на причины общественного неблагополучия? К решению этой важнейшей для него проблемы сатирик подошел не сразу, но все время искал его. От этого зависело признание Кантемиром необходимости сатирического творчества. С этим связывались и сомнения Кантемира: можно ли сатирой «излечить» злонравных, нужна ли сатира вообще?

Этот вопрос встал перед Кантемиром еще в русский период его творчества.

Интересна в этом отношении V сатира, последняя из написанных им в России. В ней есть любопытное примечание. Говоря о склонности к злу, присущей человеку с детства, Кантемир ссылается на Феофана Прокоповича: «Преосвященный Новгородский в предисловии своем на книжицу под титутлом „Первого учения отроком," говоря о человеке, пишет: трудно тому не быть злу, который и родился зол, а потом слово свое подтверждает священным писанием, приводя текст сей: все помышление его на зло от юности его».[39] Своего собственного отношения к изложенному взгляду Прокоповича Кантемир не показывает.

Казалось бы, вся сатира, где автор «тщится показать, что не только он (человек) глупее всех скотов, но еще злее всех зверей и дичее всякого урода, которого бы ум вымыслить мог»,[40] ставит своей целью подтвердить мысль Прокоповича о человеке, которому зло свойственно «по природе». Конец же сатиры представляет собой совершенный уход от ответа на вопрос: откуда происходит зло в человеке. Кантемир остроумно решил обезопасить себя от возможных обвинений церковников в том, что «тварь изящну, чудну, несказанну, наподобие творца премудро созданну, так охулить дерзнуло перо неучтиво».[41] И он иронически благонамеренно излагает библейский рассказ о грехопадении Адама и Евы.

---

[38] Там же, стр. 189.
[39] А. Д. Кантемир, Собрание сочинений, т. I, стр. 276.
[40] Там же, стр. 268.
[41] Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 405.